

Шэнь Цинцин прекрасно понимала: чтобы справиться с такой, как Линь Ханьшуан, нужно бить по самому больному. А её репутация талантливой поэтессы, которую та так старательно выстраивала, была для неё дороже всего на свете.

Значит, нужно разрушить то, чем она так дорожит.

— Госпожа Линь, раз уж это стихотворение принадлежит вашему перу, я хотела бы задать несколько вопросов, — голос Шэнь Цинцин звучал ровно, но каждое её слово заставляло присутствующих прислушаться.

Линь Ханьшуан, не понимая истинных намерений собеседницы, по привычке решила, что её снова ждет порция лести. В душе она уже ликовала, но на лице сохранила привычную маску невозмутимости и показной скромности:

— О каких вопросах речь? Я лишь надеюсь, что смогу помочь госпоже Му разобраться в непонятных моментах.

— Белые облака уплывают вдаль, над Плёсом Синих Клёнов — бесконечная печаль... Косые лучи луны скрываются в морском тумане, дорога к Цзеши и Сяосян не имеет конца... Не знаю, сколько людей вернутся под светом луны, заходящая луна качает чувства, наполняя деревья у реки, — Шэнь Цинцин сделала паузу. — Я услышала ваше стихотворение и вспомнила последние десять строк, которые когда-то видела в одном поэтическом сборнике. Мне показалось, что вместе они составляют поистине безупречное произведение.

Шэнь Цинцин не обращала внимания на изумление Линь Ханьшуан. Она не собиралась играть в фальшивые игры — она прямо сорвала маску с самозванки. Так называемый плод вдохновения талантливой поэтессы оказался обычным плагиатом.

Как только прозвучали эти слова, среди знатных дам пополз шепот. У каждой из них было свое мнение, и было очевидно: это одно и то же стихотворение. Если Линь Ханьшуан сочинила его сама, то откуда госпожа Му знает продолжение?

— Госпожа Линь, это и есть то самое стихотворение, которое родилось у вас под влиянием момента? Вы нас просто поразили.

— Госпожа Линь, не объясните ли вы, почему госпоже Му известны последние десять строк?

Линь Ханьшуан впервые оказалась в такой ситуации и совершенно не знала, что ответить. Это был её первый настоящий провал с момента попадания в этот мир. Сейчас было важно лишь одно — выкрутиться и не позволить репутации, которую она так долго создавала, рухнуть в один миг.

— Госпожа Му, премного благодарна вам за то, что дополнили эти строки, — Линь Ханьшуан

постаралась взять себя в руки. — Честно говоря, я написала это стихотворение много лет назад, когда была полна чувств, и тогда же выпустила сборник. Вероятно, госпожа Му случайно наткнулась на него.

Хотя Линь Ханьшуан понятия не имела, откуда Му Цинцин знает эти строки, она решила стоять на своем. Здесь никто не знал её прошлого, никто не мог доказать плагиат, а значит, нужно просто твердо настаивать на своем авторстве.

Шэнь Цинцин, услышав это, ничуть не удивилась её бесстыдству. Если бы в этой женщине была хоть капля совести, это вызвало бы у неё куда большее изумление.

Шэнь Цинцин подошла к Линь Ханьшуан. Она стояла, а та сидела, поэтому смотрела на неё сверху вниз:

— Вот как? Странно, что-то мне не верится.

В этих словах сквозила густая ирония и явное презрение. Присутствующие сразу уловили этот тон. Они и сами начали сомневаться в словах Линь Ханьшуан — ведь раньше, кроме стихов, та ничем особенным не блистала. Настоящие таланты ведут себя иначе. Но поскольку прямых доказательств не было, они предпочли пока промолчать.

— У вас, госпожа Линь, что ни день, то прилив вдохновения! — продолжала Шэнь Цинцин. — Надеюсь, вы сможете вдохновиться еще раз и сочинить что-нибудь, не уступающее по уровню этой Весенней реке, цветам, луне и ночи. Если вы докажете свой талант, мы, разумеется, перестанем сомневаться в вашем звании первой поэтессы столицы.

Шэнь Цинцин даже не смотрела на неё — ей было противно лишний раз бросать взгляд на эту особу.

Линь Ханьшуан была в отчаянии. Она знала лишь те стихи, которые зазубрила наизусть. Где ей взять еще одно произведение такого уровня? Ведь Весенняя река, цветы, луна и ночь Чжан Жосюя — это вершина поэзии эпохи Тан, единственная в своем роде.

Не желая признаваться в краже, Линь Ханьшуан тут же притворилась жалкой и беззащитной, словно невинный цветок, который обижают. На глазах у неё навернулись слезы:

— Госпожа Му, почему вы так со мной обращаетесь? Что я вам сделала? Зачем вы меня клеветеете?

Она зарыдала. Но в зале были одни женщины, и никто не собирался жалеть эту притворщицу. Напротив, слезы лишь укрепили подозрения в том, что стихи были украдены. Шэнь Цинцин и подавно не испытывала жалости. Если бы не манеры, подобающие её нынешнему положению, и не принципиальное нежелание бить женщин, она бы отвесила ей пару пощечин, чтобы та

пришла в себя.

Шэнь Цинцин не стала тратить слова впустую:

— Я придираюсь именно к тебе, потому что стихи, которые ты выдаешь за свои, я видела в сборнике, и даже выучила их продолжение. Ты говоришь, что сама выпустила тот сборник, но у тебя нет никаких доказательств. Как нам верить твоим словам? Я всегда выступаю против тех, кто мне неприятен, а чаще всего это подлые люди.

Бросив на Линь Ханьшуан холодный взгляд, Шэнь Цинцин отошла. Присутствующие теперь окончательно убедились в том, что Линь Ханьшуан — мошенница. Таких людей презирали и ненавидели. Можно быть бездарностью, но выдавать чужое за свое — это путь к позору.

Тем временем Шэнь Цинцин мысленно обратилась к Системе 777, желая окончательно раздавить плагиатора:

— 777, немедленно купи мне Полное собрание стихотворений эпохи Тан! Сейчас же!

Система 777, взглянув на нулевой баланс баллов своей подопечной, лишь тихо пискнула. На материальный предмет требовалось минимум 700 баллов, а на книгу из другого мира — все 7000. В долг можно было взять максимум 5000.

— Хозяйка, на данный момент покупка невозможна, — жалобно пропищала система под жестким давлением Шэнь Цинцин.

Та лишь разочарованно фыркнула, открыто выразив свое презрение к никчемности Системы 777. Система, не смея перечить, лишь безропотно сносила критику. Она и сама не понимала, почему так боится свою хозяйку — другие системы вели себя с подопечными куда властнее, а она вынуждена была лишь выживать.

Шэнь Цинцин приняла это к сведению: придется подкопить баллы. Да и сразу уничтожать Линь Ханьшуан было бы не так интересно. Она заставит её сполна ощутить ту боль, которую та причинила истинной владелице тела. Впереди еще много дней.

— Раз у госпожи Линь нет доказательств, я оставляю за собой право сомневаться, — Шэнь Цинцин окинула взглядом присутствующих и направилась к выходу.

Уходя, она намеренно бросила через плечо:

— Вот, значит, какая она — первая поэтесса столицы. Ничего особенного.

Линь Ханьшуан чувствовала себя униженной как никогда. Вслед за Шэнь Цинцин зал начали

покидать и остальные — поэтический вечер потерял всякий смысл. Многие были в восторге от того, что произошло: им давно претило высокомерие Линь Ханьшуан.

Сама же Линь Ханьшуан поклялась про себя, что заставит Шэнь Цинцин заплатить. Му Цинцин должна была стать императрицей, заняв место, которое по праву принадлежало ей, дочери премьер-министра. А теперь она ещё и опозорила её при всех. Она обязательно пробьется во дворец и заставит её горько пожалеть об этом.

Такие люди, как Линь Ханьшуан, никогда не ищут вину в себе — они всегда обвиняют тех, кто сорвал с них маску.

<http://bllate.org/book/21590/2225371>